

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ

ДРЕВНЕЕ

(из поэтической исповеди ЛИ БО)

Когда называют Ли Бо поэтом великим, то не без оговорки: он велик для тех, кто вместе с китайцем читает всю совокупность образов и чудесных слов, которые он подарил миру... пока только своему. Европейские переводчики набросились на его произведения, освященные именем и традицией, а главное — хрестоматией, и в несколько лет Ли Бо стал известен читающей Европе. Конечно, так нельзя обращаться с великим поэтом, но пока нет полного, настоящего перевода его многочисленных произведений, и пока нет, вообще, о нем научных исследований, дело из этой колеи не выйдет. Единственно, что можно предложить — это некоторое разнообразие в выборе сюжетов, на которых, как не помещаемых в хрестоматиях, европейские переводчики не задерживаются.

«Древние стихи» (соб. «Древний дух») расположены у Ли Бо в виде 39 стансов и заключают в себе весьма замечательную поэму о поэте, как носителе всекитайской древней героической традиции. Ли Бо, излагая свои поэтические думы и являя свой лик, остается, все же, *primus inter pares*, ибо он сам стремится отразить древнее, а потомки стараются отражать его. Получается диалектический тип китайского поэта.

Читателям моей книги «Китайская поэма о поэте, в стансах Сыкун Ту» ясна разница между обоими произведениями: Ли Бо, живший ранее (705—762 по Р. Хр.), писал о содержании вдохновения; Сыкун Ту, живший позже (837—908), писал о формуле вдохновения. Отделать в тип исследования поэму Ли Бо было бы переводчику приятно, но это дело будущего, а пока на страницах «Востока» он может дать лишь три—четыре станса из этой большой поэмы, снабдив их примечаниями для общего читателя, не имеющими специально научного значения.

Мне было бы приятнее всего переводить ритмически, отвечая стихом на стих, но, не желая жертвовать словами, которых, с моей точки зрения, замещать уже нечем, от этой соблазнительной перспективы я еще раз отступаю и даю только точный, дословный перевод, укладывая в пять значащих русских слов пять слов китайского стиха.

В. А.

СТАНС I

Великие Оды давно не творятся.¹

«Я ослабел», — кто ж, наконец, изложит?²

Воевые царя брошены в ползучую поросль,³

Воевавшие уделы часто — колючий кустарник.⁴

* * *

Драконы, тигры друг друга глотали, ели;
 Секиры, копыя пришли к безумному Циню.
 Праведный голос — как слаб он, ничтожен! ⁵
 Грусть, обида воздвигли «человека тоски». ⁶

* * *

Ян, Ма вздымают вилье волпы, ⁷
 Открыв поток, рвущийся в безбрежность.
 Гибель-расцвет пусть в тысяче смен —
 «Доблесть, проповедь» уже — да — в пучине! ⁸

* * *

Начиная с времён «Утверждения Мира» и дальше, ⁹
 Узорная краснота не достойна почитанья.
 Мудрейшая Династия вернула извечную древность: ¹⁰
 «Свесив платье», дорожит чистыми настоящими. ¹¹

* * *

Тошлой таланты идут к красоте, свету;
 Овладев судьбой, «скачут» вместе с «чешуйными». ¹²
 «Слово и жизнь» друг другу ярко светят: ¹³
 Сонмы звёзд, раскинутые по осеннему небу.

* * *

Мои мечты в том, чтобы «отсечь, передать», ¹⁴
 Низводя свет, сияющий в тысячи вёсен.
 Взгляну на Мудрого; словно на кого-то высокого, ¹⁵
 И «оборву кисть» на поимке линия. ¹⁶

СТАНС IX

Чжуану Чжоу снилась бабочка: ¹
 Бабочка стала Чжуаном Чжоу.
 Одно тело — а превратилось, изменилось:
 Тысячи вещей — ой-ой! где! ²

* * *

И знаю: воды Пын Лай'я ³
 Потом стапуг чистым мелким ручьём.
 У зелёных ворот садивший тыквы человек
 Во оны дни был Восточных Кряжей Князь. ⁴

* * *

Богатство, почет именно вот таковы..
 Мотаться, трепаться, чего искать?

СТАНС XI

Желтая Река идет в Восточную Бездну,
 Белое солнце опускается в западном море.
 Уходящий поток и струящийся свет
 Летят, мчатся, никого не ждут.

* * *

Весенний лик бросает меня, уходит —
 Осенний волос уже стар, не тот.
 Жизнь человека — не холодная сосна:
 Лицо лет разве всегда то же?

* * *

Мне бы сесть на дракона в туче,
 Впивать сияние, жить в ярком луче!

СТАНС XII

Сосна, кипарис природно сирь, прямь:
 Трудно им быть с лицом персика, сливы.¹
 Светлый, светлый Янь Цзылин:
 Свесил уду в серые волны.

* * *

Телом и гостьей-звездой накрыл:
 Сердцем вместе с плывущею тучей свободен.
 Долгий привет властителю тысяч коней:
 Обратно уходит в горы Богатой Весны.²

* * *

Чистым духом брызнуло в шесть сторон...³
 Далёк человек: достать до него нельзя!
 Принудил меня вечно в тоске вздыхать,
 Мрачно гнездясь среди утёсов-скал.

СТАНС LVIII

Я пришел к мелям Колдунных Гор,
 Ищу древнее, всхожу на солнечную башню.
 Небо пустынно, зелёные тучи исчезли.
 Земля далеко, чистый ветер идёт.

Фея-дева отсюда ушла давно,
 Князь Сяп — где же скажите он?
 Безудержный блуд печез в пучине времён,
 Пастух, дровосек один горевали в тоске.

Перевел с китайского
 В. Алексеев

ПРИМЕЧАНИЯ

Станс I.

1. «Великие Оды», Оды-Правды — по толкованию конфуцианской традиции — третий отдел античной книги «Стихотворений» (Шицзин), содержащий в себе славословие дарственным предкам династии Чжоу, при которой расцвела китайская культура, при которой жили Конфуций, Лао-цзы, Гуань-цзы и многие другие мыслители и государственные деятели старого Китая. Для Конфуция эти Оды-Правды были уже древним заветом.

2. «Я слишком ослабел, — сказал Конфуций в своих «Беседах и Суждениях» (VII, 5) — давно уже я не вижу больше во сне Чжоуского графа», который рисовался Конфудию идеалом правителя людьми.

— Кто же, как не Конфуций, мог изложить эти вехие Оды перед внимающим заветам древности государем? По конфуцианскому регламенту, восходящему, по учению школы Конфуция, к древности, государь в десятом месяце каждого года, приняв вассалов и столетних старцев, приказывал хормейстеру изложить и исполнить перед ним народные стихи, по которым он мог бы судить о том, доволен ли народ его правлением или нет.

3. «Веянье», дух настоящего идеального дая, о котором проповедывал Конфуций, ссылаясь на факты древнего времени, погибли вместе с Великими Одами, и Конфудию оставалось о них лишь рассказывать.

4—6. «Воевавшие уделы» (V—III в.в. до Р. Хр.), в числе оставшихся от взаимопожирания семи крупных царств, не признававших номинального государя Чжоу, составляли между собою разные комбинации для противодействия двум из них, явно стремившимся к объединению Китая, пока не были в разное время уничтожены восторжествовавшим уделом Цинь. И там, где они процветали и воевали, теперь растет колючка.

5. «Праведный Голос» Конфуция, желавшего в своей летописи «пустым словом» покарать «разбойников и воров», сидевших на тронах, никем не был услышан.

6. «Человек тоски», поэт Цюй Юань (332—296 до Р. Хр.), воспевший в своих элегиях печаль по государю, с которым его разлучила происка злых недоброжелателей. Впоследствии этим выражением называли, вообще, поэта, ибо минорное настроение в китайской лирике — господствующее.

7. «Ян, Ма», два крупнейших поэта: Сыма Сяньжу (ум. в 117 г. до Р. Хр.) и Ян Сюн (ум. в 18 г. до Р. Хр.), — принадлежащие Ханьской эпохе и основавшие делую школу поэзии, которая держалась после них, можно сказать, до самых последних дней монархического Китая.

8. «Доблесть и ее проповедь» — вот два принципа Конфуция и две его заслуги: он воплотил в себе все наилучшее достоинство основателей культурной династии Чжоу и проповедал его, передав в следующие поколения, как вдохновенный учитель.

9. Эпоха «Утверждения Мира» (Цзянь Ань) — название царствования (196—220 по Р. Хр.) последнего государя дин. Хань (Сянь Ди 190—220); дала новую школу поэтов, во главе со знаменитым, Цао Чжи, отличающуюся причудливою роскошью отделки стихов.

10. «Мудрейшая Династия» — вежливое название современной поэту династии Тан (619—905), уподобляющее ее государей мудрейшим, совершеннейшим государям древности, о которых мечтал Конфуций.

«Вернуть древность», т. е. идеальное время, — основа конфуцианской проповеди.

11. «Свесив платье», т. е. не шевеля ни одним суставом, — так правила, по учению классической древности Китая, древнейшие государи (Хуан Ди, Яо, Шунь), с которыми Ли Бо вежливо сравнивает Танских.

12. Взыгрались на подобие блестящих драконов.

13. В литературе, начиная с Конфуция, наблюдают торжество то слова, то субстанции, жизни. Нехорошо, когда одно преобладает над другим. И только светлая гармония обоих создает благородство и красоту.

14. «Отсечь» из ученой традиции несущественное и вредное, «передать», ничего не сочиняя, о лучших заветах древности — вот смысл и процесс литературно-моральной деятельности Конфуция, Ли Бо берет за то же самое, как бы продолжая дело учителя.

15. Ученик Конфуция говорит про него: «...Если даже я истощу все мои силы, все же — словно что-то предо мною возвышается. Хотел бы идти за ним — нет пути».

16. «Кисть (вернее палочку, обмокнутую в лак) оторвал» от летописи своей Конфуций при известии о поимке зверя (Ци)линя, в котором он увидел знамение гибели своего учения и своей смерти. Ли Бо, повидимому, хочет сказать, что он, как Конфуций, желает творчески дописать историю своих дней, кончив рукопись перед самой смертью.

Эта смелость, неслыханная дерзость со стороны Ли Бо приравнять себя к Конфуцию осуждается лишь немногими писателями. Большинство же видит в этом его исповедания своего credo «решение дела поэтов всех времен» и считает этот шаг ведущим к упрочению его славы корифея Танской поэзии.

Станс IX.

В этом стансе Ли Бо являет нам уже свой чисто даосский лик, превращаясь из исповедующего твердую, непоколебимую убежденность конфуцианда в тревожного перед лицом вечных вопросов скептика-даоса. Эти «пронизывающие жизнь слова» — любимая тема как самого Ли Бо, так и многих, многих поэтов, так что индивидуальности и здесь нет, надо искать ее в общей его огромной личности, объемлющей все для китайца того времени возможное.

1. В книге Чжуан-цзы (в конце гл. II), приписываемой мечтателю-мистику и отчасти философу Чжуан Чжоу (IV—III в.в. до Р. Хр.), читаем притчу, о которой говорится здесь:

«Как-то раз Чжуану Чжоу снится, что он стал бабочкой. Порх-порх: бабочка и есть! Решил про себя: этого только мне и надо: я не знаю, что я — Чжоу!

Вдруг просыпаюсь: плотью-телом я Чжоу!

И не пойму: Чжоу ли снится, что он бабочка, или же бабочке снится, что она — Чжоу.

Оказывается, Чжоу и бабочку надо различить...

Вет что такое живая метаморфоза!»

2. Если в одном теле происходит непонятное, то тем паче во всем остальном мире, вещи и дела которого сильно отстоят от познающего их.

3. Горы Шын Лай — одна из трех областей бессмертных людей, находилась, по преданию, на острове среди Восточного моря. Там все было, по словам попадавших туда смертных, необыкновенно: белые звери, белые птицы, золотые и серебряные чертоги. Этим именем называется ныне один из уездов восточной части Шаньдуна.

4. Некий Шао Пин при династии Цинь (255—206 до Р. Хр.) был сделан князем, но по свержении династии превратился в бедного обывателя и занялся огородничеством.

Станс XI.

Еще одна из любимых у Ли Бо тем перехода от уныния, навеянного ничтожеством человека, к экстастическому устремлению в небесные выси, чем поэт отождествляет себя со сверхчеловеком, типа, исповеданного у Чжуан-цзы.

Станс XII.

В этом стансе вечная тема китайских поэтов, рисующая, как идеал, полную независимость гордого ученого и поэта от жизни с ее успехами и приманками. Тема эта очень древняя и, опять-таки, чисто даосского типа и духа, явно преобладающего над всем прочим в китайской поэзии.

1. Читаем у Сюнь-цзы, мыслителя и писателя III в. до Р. Хр.: «Персик и слива ярко красивы, но лишь на краткое время. Сезон пройдет — и пропади. Не то сосна и кипарис: они не опадут даже с зимой. Вот о ком можно сказать, что они достали свою правду».

2. Янь Гуан, по прозвищу Цзылин (I в. по Р. Хр.), школьный товарищ Лю Сю. Когда последний захватил в 25 г. по Р. Хр. престол, основав вторую династию Хань, Янь, по примеру древних благородных людей, не терпящих никакого насилия и грабежа, изменил свою фамилию, свое имя, и скрылся от людей.

Император вспомнил о друге и, ценя его благородство, велел во чтобы то ни стало его разыскать. Тогда из восточных владений донесли, что там, действительно, живет какой-то человек, который вечно одет в баранью шкуру, сидит и улит в болоте.

Император решил, что это и есть его друг Янь Гуан. Велел заложить хорошую повозку и послал нарочного пригласить Яня ко двору.

Три раза возвращался нарочный без всяких результатов. Наконец, Янь приехал. Ему отвели лучшее помещение, ему постлали лучшую постель, ему прислуживали высшие чины империи.

Наконец, его самлично посетил государь. Янь лежал себе и не подумал даже подняться. Государь подошел, хлопнул его по голому животу и сказал:

— «Ну, ну, Цзылин! Помоги же мне править народом!»

Янь сделал вид, что спит, и не отвечал. Прошло некоторое время, прежде чем он, наконец, открыл глаза. Посмотрел пристально на государя и сказал:

— «Древний дарь Яо блистал своею доблестью, а, ведь, Чао Фу после подобного же предложения побегал мыть уши, в которые-де забралась нечисть. У ученого человека есть свои определенные идеалы, зачем на него наседать?»

— «Так, значит, мне так-таки тебя и не умолить?» — сказал государь: вздохнул, сел в колесницу и уехал.

Потом ему все же удалось затащить к себе Яня. Стали беседовать о том же, о чем говорили всегда, и незаметно провели в беседе весь день. Затем, ночью по-приятельски улеглись вместе на одной постели. Янь фамильярно положила государю на живот свою ногу.

На утро к государю вбегает главный астролог и доносит, что на императорское место покушается какая-то «гостья-звезда» (комета). Очень опасно!

— «Ничего, — смеялся государь, — это со мной спал, знаешь, мой приятель Янь Цзылин!»

Государь хотел назначить его цензором и советником, но склонить Яня к службе не мог. Тот ушел в горы Фучунь («Богатой весны») и стал там пахать.

9. «Шесть сторон», т. е. четыре обычных, и еще небо с землей, как направления вверх и вниз.

Станс LVIII.

В основе этого станса лежит вступление к «Оде бессмертной феи» поэта Сун Юй'я (IV в. до Р. Хр.), где читаем, что некий князь по смерти названный Сян, гулял с поэтом у гор Колдуньи (названных так за сходство с иероглифом *У* «колдунья»), где были развалины древней башни, над которой реяли и громоздились тучи, принимая самые причудливые формы.

— «Странные тучи, — сказал князь. — Что это такое?..»

— «Это, государь, так называемая, утренняя туча».

Один из прежних князей как-то здесь гулял, устал и днем уснул. Во сне ему явилась женщина.

— «Я, государь, — сказала она, — фея горы *У*, а здесь, в Гаотане, гошу. Прослышав, что Вы здесь гуляете, я хочу предложить Вам подушку и постель».

Государь ее осчастливил, а когда уходил, то на прощание она еще сказала ему:

— «Я живу на солнечном склоне (Ян). Утром я — ранняя туча, вечером я иду дождем, и все время, каждое утро и каждый вечер, буду у подножия Солнечной Башни».

Князь посмотрел утром: так и есть. Тогда он построил ей дворец, назвав его «Дворцом ранней тучи».

В этом стансе тип поэтического иносказания, соединенного с тоской по поэтической древности. Государь Сюань Цзун (713—756), современник Ли Бо, увлеченный губительною страстью к наложнице, творит «безудержный блуд». Древнее исчезло, но пример не исчез. И там, где начинается чувственная поэзия, кончается призвание государя. От блуда государева страдает безответный простой народ.

